

ВІБЛІОТЕКА ІГНАТІАНА
Богословие, Духовность, Наука

Св. Игнатий Лойола

РАССКАЗ ПАЛОМНИКА
О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Bibliotheca Ignatiana. Богословие, Духовность, Наука

Св. Игнатий Лойола
**Рассказ паломника
о своей жизни**

«ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ»

1550-1556

Лойола С.

Рассказ паломника о своей жизни / С. Лойола —
«ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ», 1550-1556 — (Bibliotheca
Ignatiana. Богословие, Духовность, Наука)

ISBN 5-94242-001-7

«...До двадцати шести лет он был человеком, преданным мирской суете, и прежде всего ему доставляли удовольствие ратные упражнения, ибо им владело огромное и суетное желание стяжать славу. И вот, когда он был в одной крепости, осаждаемой французами, и все полагали, что нужно сдаться, дабы спасти <свои> жизни, ибо было ясно видно, что защищаться они не смогут, он привёл алькальду столько резонов, что всё же сумел убедить его защищаться, хотя это и противоречило мнению всех кабальеро, каковых, впрочем, приободрили его боевой дух и его отвага...»

ISBN 5-94242-001-7

© Лойола С., 1550-1556
© «ИНСТИТУТ СВЯТОГО
ФОМЫ», 1550-1556

Содержание

Сокращения и условные обозначения	5
Предисловие О. Надаля[1]	6
Предисловие О. Луиса Гонсалеса да Кáмары	8
Глава I	11
Глава II	16
Глава III	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Св. Игнатий Лойола

Рассказ паломника о своей жизни

Сокращения и условные обозначения

букв.: буквально

ДК: Мигель де Сервантес Сааведра, *Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский*

док.: документ

исп.: испанский

итал.: итальянский

К. де Д.: о. Кáндидо де Далмáсес (О. И.)

катал.: каталанский

лат.: латинский

О. И.: Общество Иисуса о.: отец ок.: около

пер.: переводчик

порт.: португальский

Предисл. Кáм.: Предисловие о. да Кáмары

Предисл. Над.: Предисловие о. Надаля

прим.: примечание с.: страница (в русскоязычных изданиях)

франц.: французский

Хрон.: Хронологическая таблица

* * *

AHSI: *Archivum Historicum Societatis Iesu* (Исторический архив Общества Иисуса)

CDI: *Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas en América y Oceanía* (Собрание неизданных документов, относящихся к открытию, завоеванию и колонизации испанских владений в Америке и Океании), tt. 1–42, Madrid

FD: *Fontes documentales* (Документальные источники)

FN: *Fontes narrativi* (Повествовательные источники)

MHSI: *Monumenta Historica Societatis Iesu* (Исторические памятники Общества Иисуса)

О. Ф. М.: Ordo Fratrum Minorum (Орден Меньших Братьев)

О. Р.: Ordo Praedicatorum (Орден проповедников)

р.: страница (в иноязычных изданиях)

vol.: том (в иноязычных изданиях)

Предисловие О. Надаля¹

О. Надаль просит святого Игнатия рассказать своим духовным сынам о том, как Бог руководствовал им с самого начала его обращения. После долгих и настоятельных просьб святой Игнатий даёт своё согласие.

1*. И другие отцы, и я сам – <не раз> мы слышали, как отец наш Игнатий говорил о своём желании снискать от Бога три благодеяния прежде, нежели умрёт: во-первых, чтобы Общество было утверждено Апостольским Престолом; во-вторых, чтобы то же произошло и с Духовными упражнениями; в-третьих, чтобы ему удалось написать Конституции.

2*. Памятуя об этом и видя, что всё это он обрёл², я стал опасаться, как бы не был он уже призван из нашей среды к лучшей жизни. И вот, зная о том, что святые отцы, основатели того или иного института монашествующих, в порядке завещания оставляли своим потомкам некоторые указания, кои должны были помочь им <достичь> совершенства, я стал искать случая попросить о том же о. Игнатия.

И случилось так, что однажды в 1551 г.³, когда мы были вместе, о. Игнатий сказал мне: «Сейчас я побывал выше неба» – давая, как я полагаю, понять, что он только что испытал некий экстаз или восхищение, как это часто с ним случалось. С крайним благоговением я спросил: «Что Вы хотите этим сказать, отче?» Он перевёл разговор на другую тему. Тогда, подумав, что удобный момент наступил, я настоятельно попросил его, чтобы он соблаговолил рассказать о том, как Бог руководствовал им с самого начала его обращения, дабы этот рассказ мог послужить нам завещанием и отеческим наставлением. «Ибо», сказал я ему, «Бог уже даровал Вам те три вещи, которые вы желали увидеть прежде, нежели умрёте, и вот мы боимся, как бы он не призвал Вас теперь во славу».

3*. Отец извинился, сославшись на свою занятость и сказав, что не может посвятить этому своё внимание и время. Вместе с тем он добавил: «Отслужите три Мессы с этой интенцией – Вы, Поланко и Понсьо⁴, – и после молитвы сообщите мне, что Вы об этом думаете». – «Отец, мы будем думать так же, как думаем сейчас». Но он с великою кротостью прибавил: «Сделайте то, что я Вам говорю». Мы совершаем Мессы, и вот, после того как мы сообщили ему о том, что думали, он пообещал исполнить нашу просьбу.

На следующий год⁵, по возвращению моему с Сицилии, когда вот-вот надлежало мне отправиться с поручением в Испанию, я спросил Отца, сделал ли он что-нибудь. «Нет, ничего», – сказал он мне.

Когда я вернулся из Испании в 1554 г., я сызнова спросил его; он ничего не сделал⁶. Но на сей раз, движимый невесть каким побуждением, я опять проявил настойчивость: «Вот уж почти четыре года прошло, как я прошу Вас, отче, не только от своего имени, но и от

¹ Точная дата, когда о. Надаль написал по-латински настоящее *Предисловие*, неизвестна. Вероятно, это произошло в период с 1561 по 1567 гг. Латинский оригинал можно прочесть в *FN*, I, pp. 354-363, в нижней части страницы.

² Общество Иисуса было официально утверждено Папой Павлом III 27 сентября 1540 г.; книга *Духовных упражнений* была одобрена тем же самым Папой 31 июля 1548 г.; за период с 1547 по 1550 гг. св. Игнатий написал *Конституции* Общества.

³ Вероятно, это произошло скорее в 1552 г., поскольку на протяжении всего 1551 г. Надаль находился на Сицилии, откуда он вернулся в Рим лишь 5 января 1552 г.

⁴ Понсьо Когордан, француз, прокуратор обители.

⁵ 1553 г. См. прим. 2. Принеся обеты в Риме 25 марта 1552 г., Надаль снова был отправлен на Сицилию. В январе 1553 г. он ещё раз был вызван в Рим, откуда в апреле отправился в Испанию и Португалию, чтобы опубликовать *Конституции* и посетить эти провинции Общества.

⁶ В этом Нададь допускает неточность, поскольку св. Игнатий начал диктовать свои воспоминания в 1553 г. См. *Предисл. Кам.*, 1* и 3*.

имени остальных, чтобы Вы поведали нам о том, как Господь вёл Вас с самого начала Вашего обращения: ведь мы уверены, что знать об этом будет в высшей степени полезно и для нас, и для Общества. Но, видя, что Вы этого не делаете, хочу заверить Вас в одном: если Вы пожалуете нам то, чего мы так желаем, то мы извлечём немалую для себя пользу из этого дара; если же Вы этого не сделаете, то мы не падём духом, но будем так уповать на Господа, как будто Вы обо всём этом написали».

4*. Отец ничего не ответил, но, как мне кажется, в тот же самый день позвал о. Луиса Гонсалеса⁷ и начал рассказывать ему то, что тот, обладая столь великолепной памятью, затем записывал. Это *Деяния о. Игнатия*, переходящие из рук в руки.

О. Луис был избирателем на первой генеральной Конгрегации⁸, и на ней же он был избран ассистентом генерала, о. Лаинеса. Впоследствии он был наставником и <духовным> руководителем короля Португалии, дона Себастьяна, отцом, отличавшимся добродетелью.

О. Гонсалес писал частью по-испански, частью по-итальянски – в зависимости от того, какими писцами он мог располагать. Перевод сделал о. Аннибал де Кодретто⁹, человек весьма учёный и благочестивый. Оба они ещё живы: и писатель, и переводчик.

---

⁷ О. Луис Гонсалес да Ка́мара родился ок. 1519 г. и умер в 1575 г. В Общество Иисуса вступил 27 апреля 1545 г. в Лиссабоне. 23 мая 1553 г. о. да Ка́мара прибыл в Рим, где получил должность министра обители, и пробыл там до 23 октября 1555 г., когда отправился в Португалию. После смерти св. Игнатия, в 1558 г., о. Ка́мара снова вернулся в Рим, чтобы присутствовать на первой Генеральной конгрегации, где он был избран ассистентом в Португалии. В 1559 г. по настоятельным просьбам королевского двора ему пришлось возвратиться на родину, чтобы заняться воспитанием короля, дона Себастьяна.

⁸ Она происходила в 1558 г.

⁹ Точнее, Аннибал дю Кудрэ. Его фамилия писалась по-разному: du Coudrey, du Codret; *лат.* Codretus; *итал.* Codreto или Coudreto. В настоящем издании верным сочтено написание du Coudret, принятое историком французской Ассистенции, о. Фукерэ (vol. 1, p. 103²). Дю Кудрэ родился в 1525 г. в Сайянше, деревне в Верхней Савойе, и вступил в Общество в 1546 г. В 1548 г. он был направлен на Сицилию, откуда вернулся в Рим в 1558 г. В 1561 г. он уехал во Францию и умер в Авиньоне в 1599 г. О дю Кудрэ можно справиться в книгах: Праг, vol. 1, pp. 436-442; Фукерэ, *указ. место*.

Предисловие О. Луиса Гонсалеса да Кáмары

1*-2*. Святой Игнатий решает поведать о своей жизни. – 3*-5*. Как и когда была написана Автобиография.

1*. В пятьдесят третьем году, в пятницу утром, четвёртого августа, в канун праздника Божией Матери Снежной, когда отец находился в саду подле дома или помещения, именуемого Герцогским¹⁰, я принялся давать ему отчёт об известных особенностях моей души, и среди прочего говорил ему о тщеславии.

В качестве целительного средства отец посоветовал мне многократно сообщать Богу обо всех моих делах, стараясь преподнести Ему всё доброе, что я в себе нахожу, признавая это Его <дарами> и воздавая Ему благодарность за это. И так он говорил мне об этом, что весьма меня утешил, и я не смог удержать слёз. Тогда отец рассказал мне, как он в течение двух лет боролся с этим пороком, так что, садясь в Барселоне на корабль, шедший в Иерусалим, он не решился никому сказать о том, что направляется в Иерусалим¹¹. Так же поступал он и в других схожих обстоятельствах. И какой мир, прибавил он, почувствовал он затем из-за этого в своей душе!

Через час-другой после этого мы пошли обедать, и, обедая с магистром Поланко¹² и мною, наш отец сказал, что магистр Надаль и другие члены Общества не раз просили его кое о чём, однако он так и не решился на это. Но после разговора со мной, уединившись в своей комнате, он почувствовал столь благоговейную склонность сделать это! И, говоря так, что видно было: Бог ясно указал ему на его долг совершить это, – <он заявил>, что <теперь> вполне решился.

А дело это заключалось в том, чтобы рассказать, что произошло в его душе вплоть до нынешнего дня. Кроме того, он решил, что <именно> я должен быть тем человеком, которому он всё это открывает.

2*. Тогда отец чувствовал себя очень плохо и вовсе не имел привычки надеяться, что проживёт ещё хотя бы день. Как только кто-нибудь скажет: «Я сделаю это через пятнадцать дней, или через восемь дней», – отец всегда, словно в изумлении, говорит: «Как! И Вы рассчитываете столько прожить?» И всё же на сей раз он сказал, что надеется прожить три или четыре месяца, чтобы закончить это дело.

На другой день я заговорил с ним и спросил его, когда он хочет взяться за дело. Он ответил мне, чтобы я напоминал ему об этом каждый день (не помню, в течение скольких дней) до тех пор, пока у него не будет возможности сделать это. Однако, не располагая в настоящее время такой возможностью из-за <различных> занятий, он пришёл затем к решению, чтобы ему напоминали об этом каждое воскресенье.

И вот в сентябре¹³ (не помню, какого числа) отец вызвал меня и начал пересказывать мне всю свою жизнь и холостяцкие проделки: ясно и отчётливо, во всех подробностях. Впо-

---

¹⁰ Вероятно, эта часть старой обители в Риме называлась Герцогской (del Duque) потому, что в ней жил герцог Гандийский, св. Франциск Борджа, когда в 1550-1551 гг. он находился в Риме по случаю празднования Святого Года. Хотя св. Франциск уже принёс торжественные монашеские обеты 1 февраля 1548 г., тогда он ещё не заявил публично о своём вступлении в Общество.

¹¹ См. ниже, § 36.

¹² О. Хуан Альфонсо де Поланко, уроженец Бургоса, вступил в Общество в 1541 г. С начала 1547 г. он был назначен секретарём Общества, каковую должность исполнял на протяжении тех лет, когда генералами были св. Игнатий, о. Диего Лаинес и св. Франциск Борджа, вплоть до 1573 г. Умер он в Риме в 1576 г.

¹³ В тексте *Автобиографии*, § 10, говорится, что кое-какие записи были сделаны в августе. Возможно, св. Игнатий начал рассказывать о своей жизни в конце этого месяца. См. *FN*, I, pp. 328¹⁵, 374.

следствии, в тот же самый месяц, он вызывал меня ещё три-четыре раза и довёл свою историю до той <поры>, когда он несколько дней провёл в Манресе – как видно из того, что эта часть написана другим почерком¹⁴.

3*. Рассказывает отец точно так же, как он обычно делает всё прочее, то есть с такой ясностью, что кажется, будто своими глазами видишь всё происходившее. Поэтому его ни о чём не нужно было спрашивать, ибо отец не забывал сказать всё, что нужно было, чтобы <его> поняли. Сразу же после этого я отправлялся всё записывать, ничего не говоря отцу: сначала вкратце, собственноручно, а затем более подробно, как написано теперь. Я старался не вставлять ни единого слова кроме тех, что услышал от отца. Если же что-то, как я опасуюсь, оказалось пропущено, то лишь потому, что, стараясь не уклоняться от слов отца, я не сумел как следует разъяснить силу некоторых из них.

Так я и писал, как сказано выше, до сентября пятьдесят третьего года. А с того времени вплоть до приезда о. Надаля восемнадцатого октября пятьдесят четвёртого года отец всегда извинялся болезнями и различными текущими занятиями, говоря мне: «Когда покончим с таким-то делом – напомните мне об этом». И по окончании этого дела я напоминал ему, а он говорил: «Сейчас у нас другое дело; когда покончим с ним – напомните мне об этом».

4*. Но, когда приехал о. Надаля, он весьма обрадовался тому, что начало было положено, и велел мне, чтобы я не отставал от отца со своими просьбами, повторив мне неоднократно, что отец не может сделать ничего лучшего для Общества, нежели это, и что сие означало бы подлинно основать Общество¹⁵. О том же он многожды говорил и отцу, и отец сказал мне, чтобы я напомнил ему об этом, когда будет завершено дело с дотацией на Коллегию¹⁶, а по его завершении – когда закончится дело Пресвитера¹⁷ и будет отправлена почта.

Снова мы принялись за эту историю девятого марта. Вскоре после этого тяжело заболел Папа Юлий III, умерший двадцать третьего числа¹⁸, и отец отложил наши занятия до тех пор, пока не будет нового Папы. Однако, когда появился новый Папа, вскоре и он заболел и умер (это был Марцелл)¹⁹. Отец отложил <нашу затею> до избрания Папы Павла IV²⁰, а затем из-за сильной жары и многочисленных занятий всё время откладывал её вплоть до двадцать первого сентября, когда завели речь о том, чтобы отправить меня в Испанию. Посему я настойчиво и многократно просил отца исполнить то, что он мне пообещал. Тогда он назначил мне <встречу> двадцать второго числа утром, в Красной Башне²¹. Закончив служить Мессу²², я предстал перед ним, чтобы спросить, не настал ли <урочный> час.

¹⁴ Нет полной ясности в том, где именно был сделан этот первый перерыв. Однако можно с уверенностью утверждать, что он, должно быть, находился до § 30 по настоящему изданию.

¹⁵ Настойчивость, с которой о. Надаля просил св. Игнатия рассказать о событиях его жизни, проистекает из того принципа, который о. Надаля многократно и настойчиво повторял, а именно: в лице св. Игнатия Общество располагает не только основателем, избранным Богом, но и примером, коему следует подражать. Этот принцип он повторяет не только в своём предисловии к *Автобиографии*, но и в беседах с отцами и братьями Римской Коллегии, происходивших в 1557 г. и опубликованных в *FN*, II, pp. 1-10.

¹⁶ Речь идёт об основании Римской Коллегии с твёрдой рентой, чего желал Папа Юлий III; этот замысел расстроился со смертью этого Папы (23 марта 1555 г.). См. *Посл.*, VIII. 664; *Хрон.*, V. 12 слл.; Рибаденеира, *О деяниях*, § 37; *FN*, II, pp. 341-343; *Жизнь*, I. 5. 9.

¹⁷ Пресвитер Иоанн (Preste Juan) – легендарный правитель некоего христианского царства «где-то на Востоке» (не то в Средней Азии, не то в Эфиопии, не то в Индии или Китае). О популярности этой легенды, восходящей к смутным известиям о миссионерской деятельности несториан в Азии, можно судить хотя бы по тому, что Сервантес в предисловии к *Дон Кихоту* упоминает Пресвитера Иоанна Индийского (Preste Juan de las Indias) как персонажа, в чьи уста можно вложить вступительные «сонеты, эпиграммы и элоги». А здесь речь идёт о миссии в Эфиопию, куда первые миссионеры отправились в конце 1554 или в начале 1555 г. (см. *FN*, I, p. 361, прим. 11). – *K. de D., пер.*

¹⁸ Папа Юлий III (Джованни Мария Чокки); годы понтификата: 1550–1555.

¹⁹ Марцелл II (Марчелло Червини) был избран 9 апреля 1555 г. и умер 30 числа того же месяца.

²⁰ Павел IV (Джанпьетро Карафа), возведённый в сан Верховного Понтифика 23 мая 1555 г.

²¹ Так называемая «Красная Башня», присоединённая к обители Общества, была куплена 5 декабря 1553 г. См. *FN*, II, p. 484 и указанные там пассажи; *FN*, III, pp. 179, 767, 768.

5*. Он отвечал, чтобы я пошёл дожидаться его в Красной Башне, дабы, когда он придёт, я находился там. Я понял, что дожидаться его там мне придётся долго. Однако, покуда я задержался в каком-то портике, разговаривая с одним братом, который меня о чём-то спросил, пришёл отец и упрекнул меня за то, что я, проявив непослушание, не дожидался его в Красной Башне; и в тот день он уже больше не хотел ничего делать.

Затем мы опять принялись настойчиво его упрашивать. Тогда он вернулся в Красную Башню и стал диктовать, расхаживая туда-сюда, как он всегда диктовал раньше. Чтобы видеть его лицо, я то и дело слегка приближался к нему, и отец говорил мне: «Соблюдайте правило!»²³. И как-то раз, когда, забыв о этом его предупреждении, я приблизился к нему – а со мной случилось так дважды или трижды – отец повторил мне то же самое предупреждение и вышел прочь.

Наконец он вернулся, чтобы закончить диктовать мне в этой Башне то, что было записано. Но, так как мне вот-вот нужно было отправляться в путешествие (ведь канун моего отъезда был последним днём, когда отец говорил со мною об этом предмете)²⁴, мне не удалось в полном объёме записать всё в Риме. А в Женеве, не имея в своём распоряжении испанского писца, я продиктовал по-итальянски то, что привёз из Рима записанным вкратце, и закончил составление <текста> в декабре 1555 г., в Женеве²⁵.

---

²² Все рукописи на испанском языке, сохранившиеся до настоящего времени, обрываются на этом месте, оставляя фразу незаконченной. О. Игнасио Пьен, который в 1730–1731 гг. находился в Риме, собирая документы о св. Игнатии для своего брата Хуана, болландиста, держал в руках испанскую рукопись, ныне утраченную, которая содержала полное предисловие отца Ка́мары на указанном языке (см. *FN*, I, p. 348). Поскольку оригинальный текст отсутствует, фрагмент, идущий до конца предисловия, переведён с латинского.

²³ Правило 2 (о скромности) в том виде, как оно было составлено во времена св. Игнатия, гласило: «Глаза следует обычно держать опущенными, не поднимая их слишком высоко и не переводя их слишком часто из стороны в сторону; и, говоря с кем-либо, особенно если это особа уважаемая, следует не устремлять глаза ему в лицо, но опускать, как обычно» (*MI, Regulae Societatis Iesu* [1540–1556], p. 518). Хотя правила о скромности не были опубликованы в торжественном порядке вплоть до 1555 г., можно сказать, что они вошли в силу уже раньше. См. там же, p. 514.

²⁴ Из § 99 явствует, что последний разговор св. Игнатия с о. Ка́марой состоялся 20 октября.

²⁵ Часть *Автобиографии*, продиктованная о. Ка́марой по-итальянски, начинается с § 79 и простирается до конца труда. Указанный отец и о. Надаль выехали из Рима 23 октября 1555 г.: первый из них был отправлен в Португалию, а другой – в Испанию. В тот же самый день во Фландрию выехал молодой Педро де Рибаденейра, чтобы хлопотать о допуске Общества в эту страну. См. *FN*, I; *Хрон.*, p. 59*; *Посл.*, X. 38. О. Ка́мара вернулся в Рим уже после смерти св. Игнатия, в 1558 г., чтобы присутствовать на первой Генеральной Конгрегации, на которой он был избран ассистентом в Португалии. См. *Предисл. Над.*, § 4*.

Глава I

1. Молодость святого Игнатия. Ранение в Памплоне. – 2. Его доставляют в Лойолу, где он с великим мужеством переносит болезненнейшую операцию. – 3. Принимает <последние> Таинства. В канун дня святых Петра и Павла начинает чувствовать улучшение. – 4–5. Хочет, чтобы ему отрезали неправильно сросшуюся кость. Выздоровливая, читает благочестивые книги. – 6. Его донимают различные дүхи.

1. До двадцати шести лет²⁶ он был человеком, преданным мирской суете, и прежде всего ему доставляли удовольствие ратные упражнения, ибо им владело огромное и суетное желание стяжать славу. И вот, когда он был в одной крепости, осаждаемой французами, и все полагали, что нужно сдать, дабы спасти <свои> жизни, ибо было ясно видно, что защищаться они не смогут, он привёл алькальду²⁷ столько резонов, что всё же сумел убедить его защищаться, хотя это и противоречило мнению всех кабальеро, каковых, впрочем, приободрили его боевой дух и его отвага.

Когда же настал день, в который ожидался обстрел, он исповедовался одному из своих товарищей по оружию²⁸. И вот, когда обстрел шёл уже довольно долго, одна бомбарда угодила ему в ногу, полностью её сломав; а так как осколок прошёл через обе ноги, то и другая была тяжко повреждена²⁹.

2. Как только он упал <наземь, защитники> крепости тут же сдались французам, которые, овладев ею, весьма благосклонно отнеслись к раненому, обращаясь с ним вежливо и дружелюбно.

После того, как он провёл в Памплоне дней десять-пятнадцать, его на носилках доставили в его родной край. Там он чувствовал себя очень плохо, и, когда созвали всех врачей и хирургов из многих мест, они решили, что ногу нужно опять сломать и сызнова поставить кости на свои места: как они говорили, то ли потому, что кости были дурно состав-

---

²⁶ Эти слова сбили с толку многих биографов св. Игнатия, ибо из них должно было бы следовать, что он родился в 1495 г. Так, о. Поланко после долгих колебаний принял это утверждение всерьёз и прямо писал в одном из своих *Диалогов*: «Вплоть до двадцати шестого года своей жизни, т. е. до 1521 г., он был весьма тщеславен». Более поздние биографы принимали подсчёты Поланко уже как данность. Между тем в § 30 *Автобиографии* говорится, что в 1555 г. Игнатию исполнилось 62 года, и тогда его рождение следует отнести к 1493 г. Итак, налицо противоречие! Мало того: из целого ряда фактов, которые здесь перечисляться не будут, явствует, что наиболее вероятной датой рождения св. Игнатия был 1491 г., т. е. ко дню ранения в Памплоне ему исполнилось тридцать лет. В XX веке некоторые исследователи, желая согласовать эту датировку с обсуждаемыми здесь словами святого, приходили даже к выводу, что Игнатий пережил не одно, а два обращения: первое – в возрасте 26 лет (о нём якобы говорится в первой фразе *Автобиографии*), и второе – после ранения в Памплоне (о чём – во второй фразе)! Однако всякому непредубеждённому читателю ясно, что эти две фразы неразрывно связаны между собой и относятся к одному и тому же событию. Скорее всего, разницей в датах объясняется ошибка самого св. Игнатия, который, по словам Рибаденейры, «...всегда верно передавал суть дела, но мог допустить промахи в мелочах – например, при подсчёте времени». – *К. де Д., пер.*

²⁷ Это был Мигель де Эррера. Заняв город Памплону, французы предложили сдать крепость. Эррера попросил о переговорах с главой вражеских войск, Андре де Фуа, сеньором Аспарроса, и взял с собою на указанные переговоры троих человек из числа защитников, одним из которых был БИньиго. Согласно о. Поланко, именно Игнатий был тем, кто «расстроил соглашение, ибо оно показалось ему постыдным, и это стало причиной того, что они взялись за оружие и сражались за крепость, сопротивляясь до тех пор, покуда стены её не были разбиты артиллерией, а его <т. е. Игнатия> нога не была сломана» (Поланко, *Краткое изложение: FN, I, p. 155*).

²⁸ Исповедоваться в грехах мирянину в отсутствие священника было в Средние Века обычаем, рекомендованным св. Фомой Аквинским (*На IV Сент.*, XVII, вопр. 3, на 3, вопр. 2, реш. 2). В своём *Руководстве по исповедям*, опубликованном в 1482 г., брат Эрнандо де Талавера рекомендует этот обычай такими словами: «Грешит тот, кто её [т. е. исповедь] принимает без священника – за исключением случая <крайней> необходимости, когда кто-либо, находясь в смертельной опасности и не имея возможности обратиться к священнику, хочет исповедоваться тому, кто таковым не является. Даже и это не обязательно: если нельзя обратиться к священнику, достаточно и одного лишь сокрушения <о грехах>» (р. 32).

²⁹ Св. Игнатий был ранен 20 мая 1521 г. Любопытным, хотя и несколько натянутым, представляется замечание автора одного из популярных изложений биографии св. Игнатия (Перроа, с. 140): в тот же самый день Мартин Лютер официально порвал с Римской Церковью. – *пер.*

лены прежде, то ли потому, что они разошлись по дороге, но <сейчас> они были не на своих местах, и излечиться так было невозможно. И снова устроили эту резню (*carnecería*), в которой он – равно как и во всех прочих, каковые ему довелось претерпеть и ранее, и впоследствии – не вымолвил ни слова и ничем не выказал своих страданий, разве что крепко сжимал кулаки.

3. Ему становилось всё хуже, так что он не мог есть; были и прочие симптомы, указывающие обычно на приближение смерти. Когда же настал день святого Иоанна, врачи, весьма слабо веря в его выздоровление, посоветовали ему исповедоваться. Когда он принял Таинства, в канун дня свв. Петра и Павла, врачи сказали, что, если к полуночи не последует улучшения, то его можно считать покойником. Означенный больной всегда читал святого Петра, и вот Господу нашему было угодно, чтобы в эту самую полночь его состояние стало улучшаться. Улучшение это продвигалось настолько быстро, что через несколько дней сочли, что смерть ему более не грозит.

4. Но, когда кости уже стали срастаться друг с другом, одна кость, выше колена, осталась у него торчать над другой, и нога поэтому стала короче. Кость там настолько выступала вперёд, что это было безобразно. Больной не в силах был перенести этого, ибо он решил следовать мирскими путями, а этот нарост, как он считал, его уродовал. Поэтому он осведомился у хирургов, нельзя ли его срезать.

Те отвечали, что срезать его, конечно, можно, но страдания будут при этом сильнее, нежели все те, какие он испытал прежде, поскольку кость уже зажила, и <теперь> требуется некоторое время, чтобы её разрезать. Но всё же он решился на это мученичество по собственному своему почину, хотя его старший брат³⁰ испугался и говорил, что не отважился бы на такие страдания, каковые раненый перенёс с обычным своим терпением.

5. И вот, когда ему срезали плоть и кость, из неё торчавшую, то постарались прибегнуть к целительным средствам, дабы нога не была такой короткой, втирая в неё множество мазей и постоянно растягивая её особыми устройствами, так что много дней он терпел мучения.

Но Господь наш дал ему здоровье, и он почувствовал себя настолько хорошо, что во всём прочем был здоров, только вот не мог как следует держаться на ноге и потому вынужден был оставаться в постели. Поскольку же он весьма охотно читал книги мирские и ложные, называемые обычно рыцарскими <романами>, то, почувствовав себя хорошо, он попросил, чтобы ему дали некоторые из них ради препровождения времени. Но в доме не нашлось ни одной из тех <книг>, которые он обычно читал, так что ему дали *Жизнь Христа* и книгу житий святых на народном языке (*en romance*)³¹.

6. Пока он читал их и перечитывал, написанное там его захватывало. Однако, прекратив читать их, он мысленно задерживался иногда на том, о чём прочёл, а иногда – на вещах мирских, о которых привык помышлять ранее. Но из множества суетных вещей, представ-

³⁰ Это был Мартин Гарсиа де Лойола, старший брат св. Игнатия после смерти первенца их родителей, Хуана Переса де Лойолы, скончавшегося в Неаполе в 1496 г.

³¹ Книгами, которые св. Игнатий читал во время своего выздоровления, были: // 1) *Жизнь Христа*, написанная Рудольфом Саксонским († 1377 г.), которого называли просто «Картезианцем», и переведённая Амбросио Монтесино. См. Година, р. 220 слл. Кажется, о. Надаль первым сказал о том, что упомянутая *Жизнь Христа* принадлежала перу «Картезианца». Так он утверждал по меньшей мере со времён своей *Апологии* Общества против парижских докторов (1557 г.). См. *FN*, II, р. 64 и pp. 186, 234, 404. Ср. р. 429. Полное заглавие этой книги, впервые напечатанной в Страсбурге в 1474 г., было таким: *Жизнь Господа нашего Иисуса Христа, тщательно составленная из четырёх Евангелий и Учителей, одобренных Католическою Церковью*. Написанная ок. 1350 г. и широко распространившаяся ещё до изобретения книгопечатания, эта книга стала своего рода «бестселлером»: она переиздавалась 400 (!) раз. Испанское издание вышло в Алькале в 1502 г. Интересно, что в этой книге, написанной задолго до основания Общества Иисуса, пожалуй, впервые встречается слово «иезуит» (*Iesuita*): «... в небесной славе сам Иисус назовёт нас иезуитами, то есть спасёнными Его именем» (т. I, гл. 10). См. об этом: Фарузи, сс. 207-211. // 2) Книга житий святых была переводом *Золотой легенды* доминиканца Якова Ворáгинского, или Варацце, умершего в 1298 г. в Генуе, где он был архиепископом. Св. Игнатий воспользовался испанским переводом, предисловие к которому написал брат Гауберто М. Вагад. См. Летурия, *Дворянин*, р. 156 слл.; *Упражнения*, pp. 38-46. – К. де Д., пер.

лявшихся ему <в воображении>, одна настолько завладела его сердцем, что после этого он сразу же погружался в мысли о ней на два, три и четыре часа, сам того не замечая. Он воображал себе, что сделал бы, служа некоей сеньоре; представлял себе те средства, к которым прибегнул бы, чтобы отправиться туда, где она находилась; остроты³² и слова, которые он ей сказал бы, а также ратные подвиги, которые совершил бы ради служения ей. И так был он этим обольщён, что не видел, насколько это было для него недостижимо: ведь сеньора эта была не просто благородного происхождения, как графиня или герцогиня, но занимала положение куда высшее, чем любая из оных³³.

7. И всё же Господь наш пришёл ему на помощь, устроив так, что на смену этим мыслям пришли другие, порождённые тем, о чём он читал. Ибо, читая о жизни нашего Господа и святых, он впадал в размышления, рассуждая сам с собою: «А что было бы, если бы я сделал то, что сделал святой Франциск, и то, что сделал святой Доминик?» И так он размышлял о многих предметах, казавшихся ему достойными, всегда ставя перед собой задачи затруднительные и тяжёлые; и, когда он ставил себе эти задачи, ему казалось, что он находит в себе способность справиться с ними на деле. А размышления его состояли в том, что он говорил сам себе: «Святой Доминик сделал то-то – значит, и я должен это сделать; святой Франциск сделал то-то – значит, и я должен это сделать».

Эти мысли тоже заняли изрядный простор³⁴, а затем что-то переменялось, и к нему снова пришли мысли мирские, о коих говорилось выше. На них он тоже задержался на значительный срок. Это последовательное чередование столь различных мыслей длилось у него довольно долго, причём он всегда задерживался на повторяющейся мысли о том, что представлялось его воображению – а это были либо те мирские подвиги, которые он желал совершить, либо иные, <призванные угодить> Богу. Наконец, утомившись, он оставил эти мысли и стал думать о другом.

8. Однако тут была налицо следующая разница: думая о вещах мирских, он весьма услаждался; но когда, утомившись, он оставлял эти мысли, то чувствовал скуку и недовольство. Когда же он думал о том, чтобы пойти в Иерусалим босиком, питаться одними травами и совершать все прочие подвиги покаяния, которые, как он увидел, совершали святые – то утешался он не только тогда, когда задерживался на таких мыслях, но и, даже отстранив их, оставался доволен и радостен.

Таковы были его первые размышления о вещах Божественных. Впоследствии, когда он составлял упражнения, отсюда стал он черпать осознание того, что касается различия духов³⁵.

³² В оригинале “los motes”: архаизм. Видимо, значение, которое имеет здесь это слово, соответствует первому значению, приводимому Коваррубиасом в его *Тезаурусе*: “Mote: это слово означает изречение, произнесённое изыщно и в немногих словах. По-гречески это называется лорвезуа, по-французски mot; отсюда и мы говорим mote. Иногда это означает высказывание колкое и язвительное, что по-латински мы зовём dicerium, и от него образован глагол «motejar», то есть «винить кого-либо». В современном языке этот глагол имеет несколько иное значение: «обзывать», «давать прозвище», «язвить». – *К. де Д., пер.*

³³ Кт́о была дама, занимавшая мысли выздоравливавшего БИньиго, невозможно установить с полной достоверностью. Высказанные на сегодняшний день гипотезы сводятся к трём основным: 1) Жермена де Фуа, племянница французского короля Людовика XII и вторая супруга Фердинанда Католика, умершего в 1516 г.; 2) Каталина, сестра Карла V, которая родилась в 1507 г., а в 1525 г. вышла замуж за Жуана III, короля Португалии; 3) Леонора, старшая сестра императора и Каталины, супруга сначала Мануэля I, короля Португалии, а затем Франциска I, короля Франции. Все эти три гипотезы приводят к серьёзным затруднениям. Жермена де Фуа и Леонора Габсбург были замужем в то время, когда БИньиго предавался своим мечтаниям, а Каталине было тогда не более четырнадцати-пятнадцати лет. Поскольку св. Игнатий хранил полное молчание по этому вопросу, решить его будет нелегко.

³⁴ В оригинале архаизм: «buen vado». В современном языке слово «vado» означает прежде всего «брод». Однако в *Словаре испанского языка* Испанской Королевской Академии (1970 г.) о нём говорится следующее: «вышедшее из употребления слово для обозначения отсрочки, периода времени». Русское слово «простор» тоже имело раньше значение «досуг, свободное, праздное время»; ср. пословицу: «Простору нет, руки не доходят» (недосужно, некогда) [Даль]. – *К. де Д., пер.*

³⁵ Этот опыт пригодился Игнатию впоследствии, когда он писал в *Упражнениях* Правила о различении духов, первое

Но он не обращал на это внимания и не задерживался на раздумьях об этом различии, покуда однажды у него немного не открылись глаза, и тогда он стал удивляться этому разнообразию и размышлять о нём, постигая на опыте, что одни мысли оставляли его печальным, а другие – радостным. Так мало-помалу он стал знакомиться с разнообразием воздействовавших на него духов: одного – бесовского, а другого – Божьего.

9. Из этого урока он вынес немало и принялся более серьёзно размышлять о своём прошлом и о том, сколь необходимо ему покаяться в нём. Тут-то и пришло к нему желание подражать святым, невзирая на обстоятельства, но уповая с помощью Божией сделать то же, что делали они. Но всё, что он хотел сделать после выздоровления – это отправиться в Иерусалим, как говорилось выше, совершая столько <подвигов> покаяния и воздержания, сколько дух благородный, воспламенённый Богом, обычно желает совершить.

10. И он стал уже забывать свои прошлые мысли, испытывая эти святые желания, которые следующим образом утвердились в нём после одного «посещения». Как-то ночью он бодрствовал и ясно увидел образ Богоматери со Святым Младенцем Иисусом. Это видение длилось в течение значительного срока и принесло ему самое живое утешение³⁶, оставив его с таким отвращением ко всей прошлой жизни, особенно же к делам плоти, что ему показалось, будто из души его стёрлись все образы, до того в ней напечатленные. Так, с того часа до августа пятьдесят третьего года, когда пишутся эти строки, он ни разу ни в малейшей степени не потакал делам плоти. Вследствие этого можно решить, что сие было делом Божиим, хотя сам он не осмеливался давать такое определение и говорил одно: что может лишь подтвердить вышесказанное. Но <именно> таким образом его брат, равно как и все остальные домашние, узнали извне о том очищении, которое совершилось внутри, в его душе.

11. Он же, ни о чём не заботясь, продолжал читать и вынашивать свои благие замыслы; и всё время, проводимое им с домашними, он тратил на дела Божии, чем принёс немалую пользу их душам. Поскольку же эти книги ему весьма понравились, он пришёл к мысли о том, чтобы вкратце выписать кое-что самое существенное о жизни Христа и святых.

В которой было почти 300 полностью исписанных страниц in quarto.

Уже начав понемногу подниматься <с постели> и ходить по дому, он принялся с изрядным тщанием делать выписки в книгу: слова Христа – красными чернилами, а слова Богоматери – голубыми. Бумага была вылощена и разлинована, а почерк – великолепен, так как он был очень хорошим писцом³⁷.

Часть времени он тратил на записи, а часть – на молитву. Но самым большим утешением для него было смотреть на небо и на звёзды, что он делал многократно и подолгу, ибо благодаря этому чувствовал величайшее стремление служить нашему Господу³⁸. Он часто думал о своём замысле, желая уже полностью выздороветь, дабы отправиться в путь.

из которых [§ 314] гласит: «*Правило первое*: Тем людям, которые идут от одного смертного греха к другому, враг имеет обыкновение представлять мнимые удовольствия, заставляя их воображать чувственные улады и удовольствия, дабы ещё более удерживать и укоренить их в пороках и грехах. А благой дух поступает с такими людьми противоположным образом, заставляя их переживать угрызения совести через доводы разума».

³⁶ Утешение (consolación) – одно из важнейших слов в лексиконе св. Игнатия, часто употребляемое им как в *Автобиографии*, так и в других сочинениях. В *Духовных упражнениях* он даже даёт определение этому понятию (§ 316): «Наконец, утешением я называю всякое возрастание надежды, веры и любви и всякую внутреннюю радость, призывающую и привлекающую душу к предметам небесным и ко спасению собственной души, принося ей покой и умиротворённость в её Творце и Господе». См. об этом особую работу: Айестаран. – *пер.*

³⁷ В числе прочих автографов св. Игнатия, каковыми являются несколько писем и его письменный голос на выборах генерала Общества в 1541 г., до нас дошли некоторые исправления, собственноручно внесённые им в текст *Упражнений* (потому их и называют *автографом*, хотя в основном они были написаны копиистом), а также рукописный экземпляр *Конституций*, в котором также есть поправки, сделанные рукой святого.

³⁸ Подобные озарения и утешения он непрестанно испытывал до конца своей жизни, и ещё сегодня в «комнатке св. Игнатия» («cameretta di S. Ignazio»), т. е. в том помещении, где он жил в Риме, показывают балкон, с которого он созерцал небо и как-то раз издал такое восклицание, обычно ему приписываемое: «Сколь пошлой и низменной кажется мне земля, когда я смотрю на небо!».

12. И вот, раздумывая над тем, что́ ему нужно будет сделать по возвращении из Иерусалима, дабы всегда жить в покаянии, он решил было удалиться в картезианский монастырь в Севилье³⁹, не говоря, кто́ он такой, чтобы как можно меньше людей смогли его отыскать, и там не питаться ничем, кроме трав. Но, когда он в очередной раз вернулся к мысли о тех подвигах покаяния, которые он желал совершить, идя по миру, желание <попасть в> картезианский монастырь в нём остыло, ибо он опасался, что там не сможет воплощать в жизнь ту ненависть к самому себе, которая в нём зародилась. Тем не менее он поручил одному из домашних слуг, направлявшемуся в Бургос, осведомиться о правилах тамошнего картезианского монастыря⁴⁰, и полученные им сведения показались ему добрыми. Но в силу вышеуказанной причины, а также потому, что он был полностью поглощён путешествием, которое намеревался вскоре совершить (а о монастыре можно было говорить лишь после возвращения) это его уже не так занимало. Вместо этого, несколько набравшись сил, он решил, что пришла пора отправляться в путь, и сказал брату: «Сеньор, как Вам известно, герцог Нахеры⁴¹ уже знает о том, что я здоров. Славно будет, если я отправлюсь в Наваррет»⁴² (герцог в то время находился там). Брат повёл его сначала в одну комнату, затем в другую, и, не скупясь на похвалы, стал просить его, чтобы он не пускался на <верную> гибель, чтобы подумал о том, как надеется на него народ, какой вес он может иметь – и прочие подобные слова, и всё для того, чтобы отвратить <БИньиго> от его благого желания. Но ответ был таким: не уклоняясь от истины (ибо и тогда уже он был крайне щепетилен в этом отношении), он ускользнул от брата.

---

³⁹ Речь идёт о картезианском монастыре Санта-Мария-де-лас-Куэвас, располагавшемся в окрестностях Севильи, ныне несуществующем. Об интересе БИньиго де Лойолы к картезианцам см.: Бейер. – *К. де Д., пер.*

⁴⁰ Это был картезианский монастырь Мирафлорес.

⁴¹ Антонио Манрике де Лара, герцог Нахеры с 1515 г. и вице-король Наварры с 1516 по 1521 г., на службе у которого св. Игнатий находился до своего ранения в Памплоне. Умер 13 декабря 1535 г. О нём можно справиться в книге: Саласар-и-Кастро, II, pp. 170 и 175.

⁴² Наваррет – это посёлок, расположенный неподалёку от Логроньо, между этим городом и Нахерой.

Глава II

13. <Игнатий> покидает Лойолу; посещает святилище Богородицы в Арáнсасу; направляется в Наваррет; отпускает сопровождавших его слуг. – 14–15. Встречается с неким мавром, с которым спорит о девственности Пресвятой Богородицы. – 16. Покупает платье паломника. – 17–18. В Монтсеррате совершает генеральную исповедь и бодрствует над оружием у престола Богородицы. Направляется в Манресу.

13. И вот он выехал верхом на мулице, а другой его брат⁴³ захотел ехать с ним до Оньяте, и Игнатий по пути убедил его провести вигию в церкви Богородицы в Арáнсасу⁴⁴. Проведя там ночь в молитве, дабы набраться новых сил для своего путешествия, он оставил брата в Оньяте, в доме сестры, которую он хотел навестить⁴⁵, а сам отправился в Наваррет. И тут, вспомнив о сумме в несколько дукатов, которую ему должны были в доме герцога, он подумал, что неплохо было бы получить их, и потому написал записку казначею. Казначей сказал, что денег у него нет; но герцог, узнав об этом, сказал, что денег может не быть для кого угодно, но для Лойолы их не может не быть, ибо он хотел дать Игнатию хорошую должность поручика⁴⁶, если бы тот пожелал её принять, благодаря тому доверию, которое он снискал в прошлом. Игнатий получил деньги, поручив разделить их между несколькими людьми, которым он чувствовал себя обязанным, а часть – пожертвовать на образ Богородицы, который был в плохом состоянии, чтобы поправить и украсить его. Затем, отпустив двоих слуг, ехавших с ним⁴⁷, он в одиночестве отправился на своей мулице из Наваррета в Монтсеррат.

14. По пути туда с ним произошёл один случай, который достойно будет описать, чтобы стало понятно, как Господь наш обращался с этой душой, которая была ещё слепа, хотя и наполнилась великими желаниями служить Ему во всём, о чём она узнавала. Итак, он решил совершить великие подвиги покаяния, помышляя уже не столько о том, чтобы искупить свои грехи, сколько о том, чтобы угодить Богу и порадовать Его. Потому, вспомнив о каком-нибудь подвиге покаяния, совершённом святыми, он задавался целью совершить то же самое, и даже ещё больше. В этих-то мыслях и черпал он всё своё утешение, не помышляя ни о чём внутреннем, не зная, что такое смирение, милосердие, терпение, что такое раз-

⁴³ По-видимому, это был Перо Лопес де Лойола, священник, который в 1515 г. подвергся судебному процессу вместе со св. Игнатием, а приблизительно с 1518 г. был ректором церкви св. Себастьяна в Сореасу, в Аспейтии. См. Летурия, *Дворянин*, р. 238.

⁴⁴ В рукописях *Автобиографии* читается «Арансус» (Arañsuz). Арáнсасу – это святилище, посвящённое Пресвятой Богородице и расположенное неподалёку от Оньяте. Об этом святилище можно справиться прежде всего в книге Лисарральде. Относительно вигии Игнатия в этом святилище стоит вспомнить слова самого святого из письма св. Франциску Борджа от 20 августа 1554 г.: «А о себе могу сказать Вам, что у меня есть особая причина желать этого, ибо, когда Бог, Господь наш, даровал мне Свою милость, дабы я совершил некую перемену в своей жизни, то некоторых успехов в душе своей я достиг, как мне помнится, телесно бодрствуя ночью в той церкви» (*Посл.*, VII. 42; *FN*, I, р. 380, прим. 2.). Возможно, именно тогда св. Игнатий и принёс обет целомудрия, хотя источники говорят лишь о том, что он принёс этот обет «по пути» из Лойолы в Монтсеррат. Так утверждает Лаинес в своём письме о св. Игнатии (*FN*, I, р. 76; Рибаденейра, *Жизнь*, I. 1. 3; Ирирарте, pp. 156-164).

⁴⁵ У св. Игнатия не было сестры, жившей в Оньяте. Следует предположить, что речь идёт о Магдалене, проживавшей в доме Эчеандиа, в Ансуоле. К этой своей сестре Игнатий питал особую любовь, как явствует из письма, отправленного им в 1541 г. Ансуолу Игнатий миновал, будучи раненым, по дороге в Лойолу.

⁴⁶ В оригинале «tenencia»: «Служба и должность поручика (teniente)» (*Словарь испанского языка* Испанской Королевской Академии). См. Фернандес-Мартин, 1983, pp. 143-159. Учитывая, что слово «лейтенант», засвидетельствованное в русском языке с 1-й половины XVII в. (*Книга о ратном строе*, 1647 г.: «лютенанту... как капитана въ лицахъ натъ, ротоу влад ти»), ещё в прошлом столетии употреблялось преимущественно по отношению к офицерам флота (Даль: «Лейтенантъ: второй обер-офицерскій чинъ во флот, отвечающій капитану арміи»), переводим здесь староиспанское «tenencia» как «должность поручика». – *К. де Д., пер.*

⁴⁷ Благодаря свидетельству священника Мигеля де Ипинсы, выступавшего свидетелем на процессах по канонизации св. Игнатия, проходивших в Памплоне в 1607 году, мы знаем, что этими двоими слугами были Андрес де Нарбайс и Хуан де Ландета (MI, *Scripta*, II, р. 281).

борчивость, необходимая для того, чтобы управлять этими добродетелями и соразмерять их. Всё его намерение заключалось лишь в том, чтобы совершить эти великие «внешние» деяния, поскольку их совершали святые во славу Божию. При этом он не вдавался ни в какие дальнейшие подробности.

15. Так вот: когда он двигался своим путём, ему встретился некий мавр, кабальеро на муле. Они поехали вдвоём, ведя беседу, и наконец заговорили о Богоматери. Мавр сказал, что ему кажется вполне вероятным, что Дева зачала, не зная мужчины; но в то, что она осталась девственницей, родив ребёнка, он поверить не мог. Это мнение он обосновывал естественными причинами, приходившими ему на ум. Несмотря на то, что паломник привёл множество доводов, ему не удалось его разубедить.

Тут мавр удалился столь поспешно, что <сразу> скрылся из виду, оставив паломника в размышлениях о том, что у него произошло с этим мавром. При этом <паломник> испытал некие порывы, заронившие в его душу неудовлетворённость (ибо ему стало казаться, что он не исполнил своего долга) и пробудившие в нём негодование на этого мавра. Ему казалось, что он поступил дурно, позволив какому-то мавру говорить такое о Богоматери, и что он обязан был вступить за Её честь.

Тут на него нашло желание отправиться на поиски этого мавра и угостить его кинжалом за то, что он говорил. Долго продолжалась в нём борьба этих желаний, и в конце концов он застыл в недоумении, не зная, что ему надлежит сделать. Перед тем как удалиться, мавр сказал ему, что направляется в одно место, находившееся немного дальше по той же самой дороге, совсем близко от столбовой дороги (но столбовая дорога через это место не проходила).

16. И вот, устав гадать о том, как ему следует поступить и не зная, на что же ему решиться, он решился на следующее, scilicet⁴⁸: отпустить поводья и позволить мулице идти до того места, где была развилка дорог. Если мулица направится по дороге к посёлку, то ему нужно будет отыскать того мавра и угостить его кинжалом; если же она пойдёт не к посёлку, а по столбовой дороге, то ему придётся оставить его в покое.

И вот, когда он сделал так, как задумал, Господу нашему угодно было, чтобы мулица выбрала столбовую дорогу, а не дорогу к посёлку, хотя этот посёлок находился едва ли далее чем в тридцати-сорока шагах, и к нему вела очень широкая и хорошая дорога.

Затем, прибыв в одно большое село перед Монтсерратом⁴⁹, он пожелал купить себе одежду, которую решил носить и в которой должен был отправиться в Иерусалим. Тогда он купил ткань, из которой обычно шьют мешки – такую, что соткана не слишком тщательно и потому сильно колется, – а потом распорядился сшить из неё длинное одеяние до пят и, купив посох и тыквенную флягу, приторочил всё это к луке седла <своей> мулицы.

17. Затем он отправился в Монтсеррат, помышляя, как обычно, о тех подвигах, которые ему предстояло совершить ради любви к Богу. Поскольку же голова его была забита *Амадисом Галльским* и тому подобными книгами⁵⁰, ему и пришло на ум нечто подобное. Потому он решил бодрствовать над своим оружием всю ночь⁵¹, не присаживаясь и не ложась, но стоя –

⁴⁸ То есть, а именно (лат.). – *пер.*

⁴⁹ Согласно о. Арабсу, речь идёт о Лэриде. Так он утверждает в некоторых замечаниях относительно *Жизни св. Игнатия*, написанной о. Рибаденейрой: «В Лэриде он купил мешок и альпаргату (полотняную туфлю на пеньковой подошве)» (МІ, *Scripta*, I, p. 725; FN, IV, p. 936). О. Крейксель, 1922, I, pp. 48-51, которому следует о. Летурия (*Дворянин*, p. 253), полагает, что этим «большим селом» была скорее Игуалада.

⁵⁰ *Четыре книги об Амадисе Галльском*: издание Гарси Ордоньеса де Монтальво, вышедшее между 1492 и 1505 гг. Четвёртая книга была написана самим Монтальво, тогда как первые три он отредактировал, не указав при этом, кто был их автором. Возможно, Игнатий вспомнил о том, как снаряжали первенца Амадиса Галльского и Орианы, как это описано в IV книге *Амадиса Галльского*, гл. 52; см. издание Паскуаля де Гайангоса в Библиотеке испанских авторов, vol. 40, p. 400. Ср. Летурия, *Дворянин*, p. 253. – *К. де Д., пер.*

⁵¹ «Бодрствовать над оружием» (velar las armas) полагалось в ночь перед обрядом посвящения в рыцари. Сам этот обряд

то на ногах, то на коленях – перед престолом Матери Божией в Монтсеррате. Там он решил оставить свою одежду и облачиться в доспехи Христа.

Затем он покинул это место и поехал дальше, думая, по своему обыкновению, о своих планах. Прибыв в Монтсеррат, он сначала сотворил молитву и уладил дела с духовником⁵², а затем совершил генеральную исповедь письменно, и длилась эта исповедь три дня. Он договорился с духовником о том, чтобы тот распорядился забрать мулицу, а шпагу и кинжал повесил в церкви перед престолом Богоматери⁵³. Это был первый человек, которому он открыл своё решение, поскольку доселе не открывал его ни одному духовнику.

18. В канун праздника Богородицы в марте двадцать второго года, ночью, он так скрытно, как только было возможно, отправился к одному нищему и, сняв с себя всю свою одежду, отдал её нищему, облачившись в желанное ему платье. После этого он пошёл, чтобы опуститься на колени перед престолом Богоматери, и провёл там всю ночь: то преклонив колени, то стоя на ногах, со своим посохом в руке.

А на рассвете, чтобы никто его не узнал, он удалился и отправился в путь: не прямой дорогой на Барселону, где он повстречал бы многих людей, способных узнать его и оказать ему почёт, но свернув в деревню, которая называется Манреса⁵⁴, где он решил провести несколько дней в «госпитале», а также занести кое-что в свою книгу, которую он тщательно хранил и в которой черпал немалое утешение⁵⁵.

состоял из омовения, исповеди, причащения и вручения меча. Вспомним, что Дон Кихот также бодрствует над оружием, принимая «посвящение в рыцари» на постоялом дворе (ДК, ч. I, гл. III). – *пер.*

⁵² Им был Жан Шанон, француз, духовник паломников, приходивших в Монтсеррат. См. похвалы в его адрес в: MI, *Scripta*, II, pp. 439-488. О нём можно справиться также в книге: Альбадера, pp. 27, 56-59.

⁵³ Эта мулица долгое время служила в монастыре, что подтверждается свидетельством о. Арабса в его суждении о *Жизни св. Игнатия*, составленной Рибаденейрой: «Эта мулица много лет провела в Монтсеррате» (MI, *Scripta*, I, 725). Шпага и кинжал были повешены на решётку престола Пресвятой Богородицы (MI, *Scripta*, II, p. 385). Через некоторое время их забрали оттуда, так что в начале XVII века, когда шли ремиссориальные процессы по делу о канонизации св. Игнатия, местонахождение его вещей было неизвестно, как явствует из письма о. Педро Хиля, выступавшего в этом деле постулятором. В этом письме, написанном в 1607 г. о. Габриэлю Альваресу, говорится: «Что же до шпаги, кинжала, пояса и портупей, то неизвестно, где они находятся, и никогда не было об этом известно» (*Scripta*, II, p. 833, прим. 1). Сам же о. Габриэль Альварес в своей *Истории провинции Арагон* (неизданной), предисловие к которой датировано 12 марта 1607 г., во 2-й главе, утверждает, что шпага св. Игнатия бесследно исчезла. См. указанное выше примечание в *Scripta*, II, p. 833. Незадолго до 1674 г. в Коллегию Общества в Барселоне была передана шпага, которая, как говорили, принадлежала св. Игнатию. См. *AA. SS. Iulii*, VII, p. 791, № 90; *FN*, III, pp. 603-604; Крейксель, 1931; Солá, pp. 96-99.

⁵⁴ Эти слова удостоверяют по крайней мере один факт: на рассвете 25 марта св. Игнатий спустился из Монтсеррата и направился в Манресу. Тем самым исключается предположение о том, что святой находился в пещере в Монтсеррате; впрочем, нам кажется, что в пользу такого предположения нельзя будет отыскать ни одного веского аргумента в самых древних и самых авторитетных рассказах о жизни св. Игнатия, написанных до 1574 г. – все эти рассказы опубликованы в первых двух томах MHSI, *FN*. Но и это ещё не всё: указанные документы не только полностью умалчивают о предполагаемом пребывании св. Игнатия в Монтсеррате, но, кроме того, утверждают или предполагают, что он покинул Монтсеррат сразу после бдения над оружием, и в таких подробностях описывают дела святого в Манресе – где он, говорят, прожил около года – что, по всей видимости, не оставляют никакого места для его пребывания в Монтсеррате в течение некоторого времени (*FN*, I, pp. 29, 80, 159, 162, 166, 388; II, pp. 525, 530, 533...). Перед лицом этих фактов тут же сбрасываются со счетов отдельные скудные и поздние свидетельства, главное из которых *прписывается* о. Антонию Арабсу; но уже о. Рибаденейра расценивал это свидетельство как «недостовверный рассказ, восходящий, как говорят, к о. Арабсу». Он был опубликован в MI, *Scripta*, I, p. 749, а затем – в *FN*, III, pp. 198-208. Нет нужды вдаваться здесь в пространное обсуждение этого вопроса: достаточно будет отметить, что более показательным представляется молчание всех свидетелей на процессе св. Игнатия в Монтсеррате, где должна была бы сохраниться самая живая традиция: никто не говорит об отшельнической жизни св. Игнатия в Монтсеррате, в то время как, напротив, двое из них свидетельствуют о том, что он удалился в пещеру в Манресе (MI, *Scripta*, II, p. 861). Документы процесса в Монтсеррате полностью опубликованы в *Analecta Sacra Tarraconensia*, 15 (1942), pp. 129-170, по подлинной латинской версии. Вместе с тем не следует, как нам кажется, отрицать, что за время своего длительного пребывания в Манресе св. Игнатий не раз приходил в Монтсеррат. К этому его должно было побуждать сыновнее благоговение перед Пресвятой Девой, и это подтверждают документы процессов: см., напр., MI, *Scripta*, II, pp. 385, 388.

⁵⁵ Пребывание в Манресе, которое, по планам св. Игнатия, должно было продлиться лишь «несколько дней», затянулось более чем на десять месяцев: с 25 марта 1522 г. до февраля 1523 г. Возможно, тому не было какой-либо внешней причины, и, оказавшись в Манресе, он попросту испытал внутреннее желание остаться там. Возможно, на его решение оказали влияние какие-то внешние затруднения, из-за которых он не мог покинуть город на реке Кардонер. Представляется, что к

Но, когда он был уже в одной лиге от Монтсеррата, его догнал какой-то человек, спешивший ему вослед, и спросил его, отдал ли он одежду нищему, как говорил этот нищий. Когда <паломник> ответил «да», слёзы брызнули у него из глаз из-за сострадания к нищему, которому он отдал свои одежды: из-за сострадания, поскольку он понял, что нищего обижали, думая, что эту одежду он украл. Однако, как он ни старался уклониться от почестей, ему недолго удалось пробыть в Манресе так, чтобы люди не заговорили о <его> великих делах, начиная с того, что случилось в Монтсеррате. Впоследствии слухи разрослись и превзошли то, что было в действительности: дескать, он отказался от такой выгодной должности – и т. п.

весьма правдоподобным причинам можно отнести запрет на въезд в Барселону из-за чумы. В *Реестре оповещений и распоряжений* за 1519–1530 гг. (рукопись его хранится в Барселонском Городском Историческом Архиве) зарегистрированы некоторые указы относительно тех лиц, которым воспрещался доступ в город. На листах 53-54 мы обнаруживаем указ от 2 мая 1552 г., в котором говорится: «statuïren y ordinaren los dits Consellers y prohomens que d'aci avant no sia permès a algú o alguns pobres mendicants, romeus y romies, acaptadors o acaptadores de qualsevol lengue o nació sien y de qualsevol parts o terres vinguen, entrar en la dita ciutat ni en los suburbis d'aquella sots pena o han de ser açotats per la dita ciutat a quiscun e per quiscuna vegada que serán trobats en aquella o en los suburbis seus» («означенные Советники и <цеховые> старшины постановили и распорядились, чтобы отныне и впредь ни одному нищенствующему, собирающему милостыню – будь то романцы или романки, на каком бы языке они не говорили, какого бы роду-племени они ни были и из каких бы стран или земель они ни пришли – воспрещается входить в означенный город, равно как и в его пригороды, под страхом наказания, либо же означенный город высечет их плетью – всякого и всякий раз, как их обнаружат в нём либо в его пригородах» – *катал.*). Игнатия могли задержать также болезни, донимавшие его в Манресе, равно как и остановка Папы Адриана VI на пути в Рим.

Глава III

19. Покаянная жизнь Игнатия в Манресе. Ему является в воздухе странное видение. – 20-21. Его начинают донимать различные дүхи. – 22-25. Он переживает настоящую бурю сомнений. – 26-33. К Игнатию возвращается душевный покой; Бог наставляет его; он часто получает Божественные поучения и проявления благосклонности Небес. Сильнейшее озарение. – 34. Игнатий переживает тяжёлую болезнь и смягчает суровость своего покаяния. – 35-37. Он отправляется в Барселону, где готовится к путешествию в Италию.

19. В Манресе он просил милостыню ежедневно. Он не ел мяса, не пил вина, даже если ему их давали. По воскресеньям он не постился, и, если ему давали чуть-чуть вина, он выпивал его.

Поскольку же <прежде> он с крайним тщанием холил свои волосы, как было в то время принято, и поддерживал их в порядке, <теперь> он решил махнуть на них рукой, чтобы они росли сами, по своей натуре: не причёсывать их, не стричь, не покрывать ничем – ни днём, ни ночью. По той же самой причине он бросил стричь ногти на ногах и руках, поскольку прежде и об этом тоже заботился.

Когда он находился в этом «госпитале», ему многократно доводилось среди бела дня видеть в воздухе, рядом с собою, нечто, приносившее ему немалое утешение, поскольку это «нечто» было очень, чрезвычайно красиво. Он не разглядел как следует, что́ это такое, но ему вроде бы казалось, что оно было в облике змеи, со множеством каких-то <блёсток>, сверкавших, словно глаза, хотя это не были глаза. Видя это, он сильно радовался и утешался; и, чем чаще он это видел, тем более возрастало его утешение. Когда же это видение исчезло, он испытал неудовольствие⁵⁶.

20. Вплоть до этого времени он постоянно находился почти в одном и том же состоянии духа, испытывая весьма стойкую радость, ничего не ведая о вещах «внутренних», духовных⁵⁷.

В те дни, пока являлось это видение, или же незадолго до того, как оно начало являться (ведь продолжалось это много дней), ему в голову пришла одна неотвязная мысль, которая донимала его, выставляя перед ним тяжесть его жизни, как будто кто-то говорил ему в душе: «Ну, и как же ты сможешь выносить эту жизнь те семьдесят лет, что тебе предстоит прожить?» Но на это он отвечал, также «внутренне», с большой силой (ибо чувствовал, что это исходит от Врага): «Эх, ты, ничтожный! Да можешь ли ты пообещать мне хотя бы час жизни?» Так он одолел это искушение и остался спокоен. И это было первое искушение, пришедшее к нему после того, о чём говорилось выше. А случилось оно, когда он входил в церковь⁵⁸, в которой каждый день слушал главную Мессу, Навечерия и Комплеты. Все <службы> пелись, и он находил в этом немалое утешение. Обычно он читал на Мессе Страсти, неизменно продолжая оставаться спокойным.

---

⁵⁶ То же самое видение явилось ему при иных обстоятельствах, после необычайного по своей силе озарения, когда он направлялся к Тортскому кресту (см. ниже, § 31). О. Поланко (*Краткое изложение: FN, I, p. 160*) сообщает об этом подробнее и отмечает, что в конце концов Игнатий отдал себе отчёт в том, что всё это исходило от беса: «В это самое время ему стала являться змея, ярко блиставшая семью или восемью глазами, и случалось это каждый день, не исключая ни одного, по два, по три, по пять, по шесть раз <на дню>. Её присутствие утешало его, а исчезновение – оставляло безутешным. Это видение продолжалось вплоть до того времени, когда он был в Париже и даже в Риме, хотя он и не объясняет его тайны». Затем, изложив рассказ о достопамятном озарении, о. Поланко добавляет: «Над ним [т. е. над Тортским крестом] он увидел змею, которая обычно ему являлась, и тогда подтвердилось, что это был бес» (*там же*, p. 161).

⁵⁷ Десять долгих месяцев пребывания св. Игнатия в Манресе можно разделить на три периода: первый – период покоя, когда он «постоянно находился почти в одном и том же состоянии духа, испытывая весьма стойкую радость»; второй – время сомнений и борьбы; третий – пора великих озарений и внутренних даров.

⁵⁸ Видимо, речь идёт о церкви доминиканцев или о кафедральном соборе (Seo).

21. Однако вскоре после вышеуказанного искушения в его душе стали происходить резкие перемены, и подчас всё казалось ему настолько пресным, что он не находил вкуса ни в чтении Мессы, ни в её слушании, ни в какой-либо иной совершаемой им молитве. А иногда с ним происходило нечто совершенно противоположное, причём так внезапно, что казалось, будто он скинул <с себя> печаль и отчаяние, как скидывают с плеч плащ. Тогда он стал бояться этих перемен, которых никогда прежде не испытывал, и не раз говорил сам себе: «Что это за новая жизнь, которую мы сейчас начинаем?»

В это время он всё ещё беседовал несколько раз с духовными людьми, которые ему доверяли и желали с ним общаться: хотя он не обладал познанием вещей духовных, тем не менее в разговоре выказывал много пыла и сильную волю продвигаться вперёд во служении Богу.

В то время в Манресе была одна пожилая женщина, которая к тому же очень давно уже была служанкой Божией и которую знали в этом качестве во многих частях Испании, так что даже Король Католик как-то раз позвал её, чтобы кое-что ей поведать. Эта женщина⁵⁹, беседа как-то раз с новым Христовым воином, сказала ему: «О, пусть Господь мой Иисус Христос соизволит ради меня однажды явиться Вам!» Но он испугался, приняв это слишком впрямую: «Как это мне явится Иисус Христос?»

Он всё время продолжал, как обычно, исповедоваться и причащаться каждое воскресенье⁶⁰.

22. Но тут его стало одолевать множество сомнений. Хотя генеральная исповедь, которую он совершил в Монтсеррате, была весьма тщательной, и притом полностью <изложена> в письменном виде, как уже говорилось – всё же иногда ему казалось, что кое в чём он не исповедался, и это сильно его удручало: ведь, даже исповедавшись в этом, он оставался неудовлетворён. И тогда он стал искать каких-нибудь духовных людей, которые излечили бы его от этих сомнений. Однако ничто ему не помогало.

Наконец один доктор из кафедрального собора (Seo), человек весьма духовный, который там проповедовал, как-то на исповеди сказал ему, чтобы он записал всё, что сумеет вспомнить. Так он и сделал. Но и после исповедей к нему возвращались сомнения, причём всё это с каждым разом лишь сильнее запутывалось, так что он чувствовал себя сильно измученным. Но, хотя он почти <наверняка> знал, что эти сомнения причиняют ему немалый вред, что хорошо было бы от них избавиться, всё же ему не удавалось покончить <с ними> своими силами. Иногда он думал, что исцелился бы, если бы его духовник велел ему во имя Иисуса Христа не исповедоваться ни в чём из прошлого, и потому желал, чтобы духовник повелел ему это, но не отваживался сказать об этом духовнику⁶¹.

23. Однако, хоть сам он и не говорил об этом, духовник наконец велел ему не исповедоваться ни в чём из прошлого – если только это не будет чем-нибудь вполне ясным. Но, поскольку для него всё это <и так> было вполне ясно, такое повеление не принесло ему никакой пользы. Поэтому он по-прежнему непрестанно терзался.

В то время он жил в комнатке, которую ему дали доминиканцы в своём монастыре, и продолжал по семь часов молиться на коленях, постоянно поднимаясь с постели в полночь, а также совершать все прочие благочестивые упражнения, о которых уже говорилось. Однако

---

⁵⁹ Личность этой благочестивой женщины, упоминаемой ещё раз в § 37, установить не удалось.

⁶⁰ Здесь впервые упоминается обыкновение часто исповедоваться и причащаться, горячим сторонником которого св. Игнатий станет впоследствии.

⁶¹ «Доктор из кафедрального собора» (doctor de la Seo), которому исповедовался св. Игнатий, был, вероятно, случайным духовником, к чьей помощи святой прибегал в этот период помрачения и внутренних борений. Тогда он нашёл приют в монастыре доминиканцев, один из которых, о. Гальсеран Перельо, был духовником святого. См. Коль, pp. 313-343; *FN*, III, p. 198.

ни в одном из них он не находил исцеления от своих сомнений, одолевавших его уже в течение многих месяцев.

И вот однажды, страшно этим измученный, он принялся молиться с таким пылом, что начал в голос кричать к Богу, говоря: «Помоги мне, Господи: ведь я не нахожу никакого исцеления ни в людях, ни в какой-либо иной твари! А ведь если бы я думал, что смогу его найти, никакой труд не был бы для меня слишком велик. Ты, Господи, укажи мне, где я смогу его обрести – и, даже если мне придётся пойти вслед за какой-нибудь собачонкой, чтобы она дала мне это исцеление, я сделаю это!»

24. Покуда его обуревали такие мысли, на него многократно, со страшной силой, находило искушение выброситься из широкого отверстия, которое было в этой его комнате, неподалёку от того места, где он молился. Но, зная о том, что убивать себя грешно, он снова стал кричать: «Господи, я не причиню Тебе оскорбления!» – повторяя эти слова много раз, равно как и прежние.

И тут на ум ему пришла история одного святого, который, чтобы получить от Бога то, чего ему очень хотелось, провёл без еды много дней, пока не добился своего⁶². Тогда, поразмыслив об этом как следует, он в конце концов решился сделать то же самое, сказав сам себе, что не станет ни есть, ни пить до тех пор, пока Бог не позаботится о нём или пока он не увидит смерть совсем рядом <с собой>. Если случится так, что он окажется *in extremis*, так что, не приняв пищи, он вскоре умрёт, – лишь тогда решил он попросить хлеба и съесть его (*quasi vero in extremo* он смог бы попросить и съесть что-нибудь!)⁶³.

25. Произошло это в воскресенье, после того как он причастился; и всю неделю он провёл, не положивши в рот ни крошки, не прекращая совершать привычные <благочестивые> упражнения и *etiam*⁶⁴ ходить на богослужения, равно как и молиться коленопреклонённым, *etiam* в полночь, и т. п.

Однако по наступлении следующего воскресенья, когда надлежало идти исповедоваться, он, привыкши весьма подробно говорить своему духовнику обо всём, что делал, сказал ему и о том, что всю эту неделю ничего не ел. Духовник велел ему нарушить это воздержание; и, хотя силы всё ещё не покинули его, он повиновался духовнику. В тот день, равно как и в следующий, он чувствовал себя свободным от сомнений. Но на третий день, то есть во вторник, во время молитвы он стал припоминать грехи. И тут словно что-то стало нанизываться на нить, одно за другим: он мысленно переходил от одного прошлого греха к другому, и ему казалось, что он должен исповедоваться в них ещё раз. Но, когда эти мысли закончились, он испытал отвращение к той жизни, которую вёл, а также побуждение оставить её: так Господь пожелал, чтобы он пробудился, словно ото сна.

И тогда, поскольку у него уже был известный опыт разнообразия духов благодаря тем урокам, которые преподавал ему Бог, он начал размышлять о том, с помощью каких средств пришёл этот дух, и тут принял весьма ясное решение: не исповедоваться более ни в чём из прошедшего. И впредь, начиная с того дня, он стал свободен от этих сомнений, считая вполне очевидным, что это наш Господь пожелал освободить его по милосердию Своему.

26. Сверх своих семи часов молитвы, он был занят также помощью в делах духовных неким душам, приходившим, чтобы отыскать его, а всю прочую часть дня, когда он был свободен, отдавал мыслям о Божественном, смотря по тому, о чём он в тот день размышлял или читал. Но, когда он отправлялся прилечь, его часто посещали великие «изве-

---

⁶² Возможно, имеется в виду пример, почерпнутый из *Цвета святых*, читанного св. Игнатием в Лойоле: св. Апостол Андрей постился пять дней, чтобы получить у Бога прощение для одного старика по имени Николай, прожившего во грехе шестьдесят лет. См. *FN*, I, p. 397, прим. 12 и II, pp. 115, 238; III, p. 359.

⁶³ *In extremis/extremo*: «перед самой смертью», «при последнем издыхании»; *quasi vero*: «как будто, однако же...» (*лат.*) – *пер.*

⁶⁴ Здесь и ниже – *etiam*: «даже» (*лат.*) – *пер.*

ствия» («noticias»), великие духовные утешения, заставлявшие его терять немалую часть времени, отведённого им на сон (а такового было немного). Тогда, призадумавшись над этим несколько раз, он пришёл к следующей мысли: ведь у него и так уже столько времени было отведено для бесед с Богом, а кроме того – ещё и остаток дня; потому он начал сомневаться, что эти «известия» исходят от благого духа, и в конце концов решил для себя, что лучше будет забыть о них и спать в отведённый <для этого> срок. Так он и поступил.

27. Он по-прежнему воздерживался от вкушения мяса и был настолько твёрд в этом решении, что никоим образом не думал его менять. Но однажды утром, когда он поднялся с постели, прямо перед ним появилось мясное блюдо, как будто он видел его телесными очами, хотя ни малейшего желания этому не предшествовало. Тут же к нему пришла твёрдая готовность впредь есть мясо. И, хотя он помнил о своём прежнем намерении, усомниться в происшедшем он не мог, и лишь решил, что ему нужно есть мясо. Когда затем он рассказал об этом своему духовнику, духовник велел ему задуматься над тем, не было ли это, случайно, искушением. Однако он, обдумав всё хорошенько, не испытал ни малейшего сомнения⁶⁵.

В это время Бог обращался с ним точно так же, как школьный учитель обращается с ребёнком, его наставляя. То ли так было из-за его неотёсанности и умственной неповоротливости, то ли потому, что некому было его наставить, то ли из-за данной ему Самим Богом твёрдой воли служить Ему – только он и в то время, и впоследствии всегда уверенно считал, что Бог обращался с ним именно так. Более того: если бы он усомнился в этом, то подумал бы, что оскорбляет Его Божественное Величие.

Кое-что из этого можно увидеть по следующим пяти пунктам.

28. *Первое.* Он с крайним благоговением почитал Святейшую Троицу и потому каждый день молился трём Лицам по отдельности⁶⁶. И вот, когда он молился Святейшей Троице также <как единому целому>, ему пришло на ум, что он, похоже, обращает к Троице четыре молитвы. Но эта мысль не доставила ему никаких (или почти никаких) затруднений, словно нечто маловажное.

А однажды, когда он читал Часы Богородицы на ступенях того же монастыря, ум его стал возноситься ввысь, и он словно бы узрел Святейшую Троицу в виде фигуры из трёх клавиш, и при этом так плакал и рыдал, что не мог с собою совладать. Шествуя тем же утром в процессии, вышедшей оттуда, он не сумел сдержать слёз вплоть до обеденного часа, а после обеда не мог остановиться, говоря только о Святейшей Троице, причём со множеством весьма разнообразных сравнений, с великим удовольствием и утешением, так что на всю жизнь у него сохранилось это впечатление от чувства великого благоговения при молитве Святейшей Троице.

29. *Второе.* Однажды ему с великой духовной радостью мысленно представилось, как Бог сотворил мир, и казалось ему, что он видит нечто белое, откуда выходило несколько лучей, и что из этого Бог творил свет. Но объяснить этого он не мог и не вполне хорошо помнил те духовные «известия», которые в те времена Бог запечатлел в его душе.

Третье. В той же Манресе, где он провёл почти год⁶⁷, после того, как Бог стал утешать его и ему стали видны плоды, производимые им в душах, с которыми он общался, он отказался от тех крайностей, которых придерживался прежде: <теперь> он уже стриг себе ногти и волосы. И вот, находясь в этой деревне в церкви указанного монастыря, слушая однажды Мессу, при вознесении Тела Господня [т. е. освящённой гостии], он увидел внутренними

---

⁶⁵ Вероятно, именно здесь имел место первый перерыв в автобиографическом рассказе.

⁶⁶ О. Лаинес говорит: «будучи человеком простым и умея читать и писать лишь на народном языке (en romance), он взялся писать о Ней [т. е. о Святейшей Троице] книгу» (MI, FN, I, p. 82). Лучшее свидетельство преклонения св. Игнатия перед Святейшей Троицей – это его *Духовный дневник*.

⁶⁷ Как уже говорилось выше, Игнатий оставался в Манресе с 25 марта 1522 г. примерно до середины (т. е. до 17 или 18) февраля 1523 г. См. FN, I, p. 81¹⁶.

очами словно бы белые лучи, ниспадавшие сверху. И, хотя спустя столько времени он не может этого толком объяснить, тем не менее то, что он видел мысленно, было, несомненно, тем, как пребывает в этом Святейшем Таинстве Господь наш Иисус Христос.

Четвёртое. Много раз и подолгу во время молитвы он видел внутренними очами человеческую природу Христа: фигуру, которая представлялась ему белым телом, не слишком большим и не слишком маленьким, но отдельных частей её он не различал. Это он видел в Манресе много раз: если бы сказать «двадцать» или «сорок», он не осмелился бы счесть это ложью. Ещё раз он видел это, находясь в Иерусалиме, и ещё раз – в пути, возле Падуи⁶⁸. Богородицу Деву он тоже видел в подобном облике, не различая отдельных частей.

То, что он видел, тогда укрепило его и всегда давало ему такую твёрдость в вере, что много раз он думал про себя: если бы не было Писания, которое наставляет нас в этих вопросах веры, то он решился бы умереть за них – уже за одно то, что увидел.

30. *Пятое.* Как-то раз он шёл на поклонение в одну церковь, отстоявшую от Манресы чуть более чем на милю (называлась она, как мне кажется, церковью святого Павла)⁶⁹. Дорога <туда> идёт вдоль реки. Так шёл он, погружённый в свои благочестивые думы, и присел ненадолго лицом к реке, протекавшей в глубине⁷⁰. И вот, когда он там сидел, у него стали открываться очи разумения. Не то чтобы ему было какое-то видение, однако он понял и узнал множество вещей – как духовных, так и относящихся к вере и к наукам, – и притом с таким великим озарением, что всё это показалось ему новым. Невозможно разъяснить все подробности, которые он тогда уразумел, хотя их было множество. Но тогда он получил столь великую ясность понимания, что ему кажется: если собрать всю помощь, полученную им от Бога на всём протяжении его жизни, за прошедшие шестьдесят два года⁷¹, а также всё то, что он познал, и даже если соединить всё это вместе, то он не обрёл бы столько, сколько в тот единственный раз.

31. Длилось это довольно долго, а затем он отправился преклонить колени перед крестом, находившимся неподалёку, чтобы возблагодарить Бога. И там ему явилось то видение, которое много раз являлось ему прежде и которое он так и не распознал – то есть та самая вещь, о которой выше говорилось, что она показалась ему очень красивой, со множеством глаз⁷². Однако, находясь перед крестом, он ясно увидел, что это «нечто» было не такой красивой расцветки, как обычно. И тогда он весьма отчётливо, с полным согласием воли, осознал, что это был бес. Впоследствии это видение являлось ему много раз, в течение долгого времени, но он с презрением отгонял его посохом, который, по своему обыкновению, носил в руке.

⁶⁸ В *Автобиографии* сообщается и о других частых явлениях Иисуса Христа св. Игнатию в различные периоды его жизни: см. §§ 41, 44, 48, 96, 99.

⁶⁹ Очень древний монастырь Сан-Пабло-и-Вальдаура, расположенный на другом склоне холма св. Клары над рекой Кардонер, примерно в 400 метрах от «Старого моста». В 1472 г. он перешёл в подчинение цистерцианского аббата из Поблета. Сохранившиеся документы не заходят далее 1520 г., поэтому мы не можем достоверно узнать имя приора в 1522 г., когда св. Игнатий посещал этот монастырь. Историки обычно говорят, что им был Альфонсо де Агуррета. В 1700 г. аббат из Поблета продал монастырь отцам из Общества Иисуса, отстроившим обитель и восстановившим домовую церковь. В 1767 г. они утратили это владение в силу декрета об изгнании, изданного Карлом III. Монастырь перешёл в руки частных лиц и находится в том же положении по сей день. См. Саррёт-и-Арбós, pp. 208-217; Пуиг, илл. 69.

⁷⁰ Смысл этих слов, ясных каждому, кто знаком с топографией этого места, заключается в том, что св. Игнатий сел на возвышенном месте, повернувшись лицом к реке, протекавшей внизу.

⁷¹ О возрасте, который св. Игнатий сам приписывает себе в этом пассаже, см. то, что сообщается в прим. 1 к § 1 *Автобиографии*. На этот пассаж опирается одно из тех мнений, которые по порядку рассмотрел о. Поланко, а именно: будто бы св. Игнатию было шестьдесят три года, когда он умер (см. MI, FN, II, p. 512⁵). Как уже говорилось, Поланко отказался от этого мнения и в конце концов предпочёл другое, согласно которому св. Игнатий родился в 1495 г. Прежнее мнение Поланко (рождение в 1493 г. и смерть в возрасте шестидесяти трёх лет) поддержал Дудон (p. 614). Как уже отмечалось выше, это мнение маловероятно.

⁷² См. § 19. Здесь имеется в виду так называемый Тортский крест.

32. Как-то в Манресе, будучи больным, из-за очень сильной лихорадки он оказался на пороге смерти, так что ясно осознал: душа вот-вот покинет его. И тут ему в голову пришла мысль, внушавшая ему, что он – праведник. <Эта мысль> так донимала его, что он был занят лишь одним: отгонял её и выявлял свои грехи. Она терзала его пуще <самой> лихорадки, но одолеть её он не мог, как сильно ни старался. Однако, несколько оправившись от лихорадки и уже не будучи при последнем издыхании, он, обращаясь к неким сеньорам, пришедшим навестить его, стал громко кричать, чтобы ради любви к Богу в следующий раз, когда они увидят его на пороге смерти, они закричали во весь голос, называя его грешником, дабы вспомнились оскорбления, нанесённые им Богу.

33. В другой раз, когда он плыл морем из Валенсии в Италию, разразилась сильная буря, у корабля сломался руль, и дело дошло до того, что, на его взгляд и по мнению многих людей, пливших на этом корабле, никак нельзя было избежать смерти⁷³. В это время, испытав как следует свою совесть и готовясь умереть, он не почувствовал никакого страха: ни за свои грехи, ни перед осуждением. Однако он переживал великое смятение и скорбь, считая, что не использовал как следует те дары и ту благодать, которую сообщил ему наш Господь Бог.

В другой раз, в пятидесятом году, ему было очень плохо от чрезвычайно тяжкого недуга, который, на его взгляд и также по мнению многих, должен был стать <для него> последним⁷⁴. В это время, думая о смерти, он испытал такую радость и такое духовное утешение от того, что ему предстояло умереть, что весь залился слезами. И это начало происходить настолько часто, что много раз он отбрасывал мысль о смерти, чтобы не испытывать столь сильного утешения.

34. Когда пришла зима, он захворал очень тяжёлой болезнью. Чтобы вылечить его, город поместил его в дом отца некоего Феррера⁷⁵, который впоследствии был слугой Бальтасара де Фариа⁷⁶. Там его лечили с великим тщанием; и в силу того благоговения, которое уже <тогда> испытывали перед ним многие самые знатные сеньоры, к нему приходили, чтобы дежурить возле него по ночам⁷⁷.

Исцелившись от этого недуга, он, тем не менее, оставался очень слабым и часто испытывал боли в желудке. Вот по этим причинам, а также потому, что зима была очень холодной, его заставили одеться, обуться и покрыть голову. Итак, его заставили надеть две *ропильи*⁷⁸ из очень толстого сукна и шапочку из него же, в виде небольшого берета (*como media gorga*).

В это время было много дней, когда ему сильно хотелось беседовать о вещах духовных и найти людей, которые были бы к этому способны. Между тем приближалось время, когда он предполагал отправиться в Иерусалим⁷⁹.

---

⁷³ Это было в 1535 г. См. § 91.

⁷⁴ Речь идёт о болезни, которая одолела св. Игнатия в конце 1550 г. и продолжала терзать его до начала 1551 г.

⁷⁵ О. Нонель (р. 76, прим. 1) пишет, что св. Игнатий, возможно, имеет в виду сына Антонио Бенито Феррера и его супруги Хуаны. Впоследствии он был слугой Бальтасара де Фариа, ведавшего делами короля Португалии в Риме в 1543–1551 гг. Хуана Феррер, или Феррера, как тогда было принято говорить, упоминается в процессах по делу св. Игнатия в числе покровительниц святого. См. MI, *Scripta*, II. 367, 370, 379, 738, 748.

⁷⁶ См. предыдущее примечание.

⁷⁷ Благочестивыми сеньорами, наиболее благосклонно относившимися к св. Игнатию в Манресе, были Инес Паскуаль, Анхела Амигант, Микаэла Каньельес, Инес Клавера и Брианда Пагера.

⁷⁸ *Ропилья* (*gorilla*): старинная приталенная одежда с двойными рукавами. – *пер.*

⁷⁹ Любопытно, что в этом рассказе о своей жизни в Манресе св. Игнатий ничего не говорит о составлении *Упражнений*. Это упущение он восполнил в конце своего автобиографического повествования (см. § 99), кратко ответив на вопрос о Камары.

35. И вот в начале двадцать третьего года он отправился в Барселону, чтобы сесть там на корабль⁸⁰. И, хотя кое-кто набивался ему в спутники, он хотел идти только один, поскольку для него всё дело было в том, чтобы иметь своей опорой одного лишь Бога.

И вот однажды его весьма настойчиво убеждали взять себе в спутники <одного человека>, поскольку <паломник> не знал ни итальянского языка, ни латинского, и говорили, как сильно поможет ему этот <спутник>, при этом вовсю его расхваливая. Но <паломник> сказал, что, будь это даже сын или брат герцога Кардона⁸¹, он всё равно не пойдёт вместе с ним, поскольку он желал обладать тремя добродетелями: любовью, верой и надеждой. Если же он возьмёт кого-нибудь себе в спутники, то, испытывая голод, будет ждать помощи от него; если упадёт, тот поможет ему подняться. Поэтому он будет уповать на него и в силу этих причин чувствовать привязанность к нему, тогда как это упование, привязанность и надежду он хотел бы испытывать только по отношению к Богу. Чтó он говорил – то и чувствовал в сердце.

С такими-то мыслями он и хотел сесть на корабль: не только в одиночестве, но и без всяких припасов. Когда он начал договариваться о посадке на корабль, ему попался один хозяин судна, взявший его бесплатно, поскольку денег у него не было, но с тем условием, что он должен был принести на корабль сухари⁸², чтобы кормиться самому, а иначе его не возьмут ни за что на свете.

36. Когда он хотел раздобыть эти сухари, его одолели страшные сомнения: «Такова-то твоя надежда и вера в Бога, которая не постыжает?» – и т. п. Эти сомнения были настолько сильны, что причиняли ему немало мучений. Наконец, не зная, что делать, поскольку находились основательные резоны и «за», и «против», он решил довериться своему духовнику, которому объяснил, как сильно желал он следовать по пути совершенства и того, что служило бы к вящей славе Божией⁸³, равно как и причины, заставлявшие его усомниться в том, должен ли он взять с собой пропитание. Духовник решил, что ему следует попросить необходимое и взять с собой.

Тогда он обратился с просьбой к одной сеньоре, а та спросила его, куда он хочет плыть на корабле. Несколько мгновений он колебался, не сказать ли ей <правду>; но в конце концов не отважился сказать ей ничего, кроме того, что направляется в Италию, в Рим. А она, будто изумившись, сказала: «Вы в Рим хотите ехать? Да ведь те, кто туда едет, уж не знаю какими возвращаются!» (желая сказать, что в Риме они получали мало пользы в делах духа). А причиной, по которой он не осмелился сказать, что едет в Иерусалим, была боязнь тщеславия. Эта боязнь настолько его одолевала, что он никогда не осмеливался сказать, откуда он родом и из какой семьи⁸⁴.

Наконец, раздобыв сухари, он сел на корабль. Но, находясь <ещё> на берегу с пятью или шестью «беленькими»⁸⁵, которые ему дали, когда он просил милостыню у дверей <домов> (поскольку обычно он так и жил), он оставил деньги на лавке, которую обнаружил там, неподалёку от берега.

⁸⁰ Как уже отмечалось выше (см. прим. 12 к этой главе), он вышел из Манресы, вероятно, 17 или 18 февраля 1523 г. Ср. *FN*, I, p. 81¹⁶.

⁸¹ Во всех испанских текстах эта фамилия читается явно ошибочно: Кармона. Между тем семья Кардона принадлежала к самой прославленной знати Каталонии. Одна из сестёр герцога Кардона была замужем за Антонио Манрике де Ларой, которому в своё время служил св. Игнатий. См. Саласар-и-Кастро, II, p. 176.

⁸² В оригинале *biscocho* – слово, восходящее к *lat. bis coctum* (букв. «дважды испечённое»). Последнее дало в русском слово «бисквит», известное с начала XVIII в. В значении «сухарь» исп. *biscocho* можно считать архаизмом (в современном языке сухари называются *galletas*). Сухари, как известно, использовались моряками вместо хлеба. – *nep.*

⁸³ В оригинале «*lo que más fuese gloria de Dios*». Ср. девиз Общества Иисуса: «К вящей славе Божией» (*lat. Ad maiorem Dei gloriam, исп. A la mayor gloria del Dios*). – *nep.*

⁸⁴ См. предисловие о. да Ка́мары, § 1*.

⁸⁵ В оригинале «*blancas*»: название монет той эпохи. – *nep.*

37. Затем он сел на корабль, проведя в Барселоне чуть больше двадцати дней. Ещё находясь в Барселоне, прежде чем сесть на корабль, он, по своему обыкновению, разыскивал всех духовных людей – даже если они находились в пúстынях <вдали от> города, – чтобы побеседовать с ними. Но ни в Барселоне, ни в Манресе за всё время, что он там провёл, ему не удалось найти никого, кто помог бы ему так, как ему хотелось. Только в Манресе та женщина, о которой говорилось выше⁸⁶, сказавшая ему, что просила Бога о том, чтобы ему явился Иисус Христос – лишь эта женщина, как ему казалось, глубже проникла в вещи духовные. Поэтому после отплытия из Барселоны он полностью потерял эту жажду разыскивать духовных людей.

---

⁸⁶ См. § 21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.